

конституционализма: принципы *социального демократизма* были впервые закреплены на уровне конституционной практики. Во всех конституциях стран Западной Европы, принятых после второй мировой войны, будь то Франция, Германия, Испания, записана конституционная норма «*социального* правового государства» со всей совокупностью взятых на себя государством обязательств по соблюдению социальных прав человека труда. И хотя нынешняя постсоветская конституция Российской Федерации допустила ряд отступлений от достигнутых «исторических завоеваний трудящихся», она сохраняет все подобающие приличия «социального правового государства», путь к которым впервые проложила русская революция.

Трагизм современной политико-правовой ситуации в России связан с тем, что за внешними конституционными *приличиями* скрывается вопиющее *неприличие* лицемерной практики радикального либерализма, попирающего элементарные социальные нормы во имя своекорыстной стратегии грабежа национального достояния и бегства капиталов. Все, на что хватает пока власти, так это делать хорошую

мину при плохой игре и быстро реагировать на личные выпады олигархического, по сути своей компрадорского, капитала против первого лица в государстве. Для сохранения и поддержания основ конституционализма в современной России этого явно недостаточно.

Возникает вопрос: что мешает нашей правящей политической элите принять все разумное, что предлагает сегодня левопатриотический блок и не доводить дело до очередной революции? Что мешает нам реализовать японскую модель политико-правового устройства, когда одна правящая партия – либерально-демократическая партия Японии, на протяжении полувека бессменно консолидирует нацию на принципах политического *центризма*, вбирающего все разумное, что предлагают и справа, и слева? Но для этого «Единой России» нужно как минимум перестать быть партией жиреющей российской бюрократии и взять на себя центристскую политическую роль не на словах, а на деле. Нужно, наконец, повернуться лицом к социалистическим (или социальным!) императивам нашего времени.

А.М. Воробьев

ЭЛИТА И НОМЕНКЛАТУРА

Воробьев Алексей Матвеевич

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Политическая элита, как сейчас принято называть руководителей высших эшелонов власти, в советские времена формировалась из партийного и комсомольского актива, вырастала из секретарей партийных и комсомольских организаций крупных предприятий, районов, городов. И это был не

худший вариант подбора кадров, поскольку молодые люди получали необходимую закалку, варились в «народнохозяйственном» котле. Конечно, порой этого не доставало; чтобы достичь политического Олимпа, необходимы были поддержка, связи. Как говорили про одного лидера: «Он инвалид - живет на Урале, а рука - в Москве». Кроме всего прочего, действовал принцип патриархальной политической культуры, покровительства со стороны старших к младшим. Так, кстати сказать, поступали не только коммунисты в СССР, но и в других странах, буржуазных партиях Запада.

Советский опыт рекрутирования политических элит использовался даже в США. Настоящая «советская» биография у Джорджа Буша-старшего: фронтовой летчик, бизнесмен, конгрессмен, дипломат, директор ЦРУ, вице-президент, и, наконец, президент США.

В формировании властных элит государств, независимо от политического строя много схожего. Так, во всяком случае, еще было недавно. Но в последние десятилетия, особенно в России, эта отлаженная система была сломана. Во власть стали приходить люди во многом случайные, не имеющие необходимой подготовки, практического опыта. Их «вытаскивали» наверх связи, нарождавшийся бизнес.

По большому счету следует согласиться с известным философом, социологом и писателем А. Зиновьевым о том, что сегодня к руководству

государствами приходят (в ходе смены властных элит) политики, не соответствующие масштабным задачам, стоящим перед мировым сообществом. Пример нынешнего главы администрации США и в некоторых других странах Запада убеждает: нельзя строить мировую политику по-ковбойски, как на своем ранчо в Техасе. Ощущается недостаток образования, культуры, опыта. А именно это и делает политика масштабной личностью.

Но где же взять готовые кадры? Ведь, как известно, политиками и маршалами не рождаются. Их надо готовить, как готовят будущих высококлассных государственных служащих в престижных колледжах и университетах Англии. Так, Итонский колледж дал стране за свою почти 570-летнюю историю 19 премьер-министров!

Мы тоже можем вспомнить опыт Царскосельского лицея в России в XIX веке. В нем учились А.Пушкин, М.Салтыков-Щедрин и другие известные люди, ставшие затем государственными и общественными деятелями.

Политическую элиту надо выращивать (но не как цветы в оранжерее!), используя и свой, далеко не худший, опыт, и зарубежный.

Поставив здесь точку, мы, тем не менее, не заканчиваем статью. Далее мы хотим обозначить вопрос о том, а не является ли современная российская политическая элита банальной, до боли знакомой партийной номенклатурой?

В СССР партийная номенклатура при отсутствии профессионального парламента осуществляла руководящую роль в обществе непосредственно через постоянно действующие исполнительно-распределительные органы государственного управления, госаппарат. В результате структура партийных органов все больше напоминала структуру государственных органов управления: партаппарат превращался как бы в верхний слой, в госаппарат. «Раньше мы прямо управляли всеми сферами через партийный аппарат», - откровенничал М.С.Горбачев на XVII конференции Московской городской организации КПСС. «Дело дошло до того, что в Отделе химической промышленности ЦК, например, было подразделение кремнийорганических соединений. И вместе с тем сколько мы просмотрели вопросов жизни общества, настроений людей, процессов в духовной, культурной сфере!» - каялся Генеральный секретарь.¹

Все это неизбежно вело к смешению функций партии и государства и, как пишут Г. Арбатов и Э. Баталов, к «сращиванию партийного аппарата с государственным. Это нашло проявление в дублировании партий функций государственных органов, в профессионализме партийной работы даже в низовых звеньях, в неизбежной при такой эволюции тенденции к обюрокрачиванию партии, созданию своеобразного симбиоза партийно-государственной бюрократии».²

Но вот началась перестройка, инициированная

самой КПСС. Ошеломляющим событием явилась отмена 6 статьи Конституции СССР о руководящей роли партии в обществе, когда плюрализм и многопартийность, ранее непривычные, уже стали реальностью. Но прежде чем это событие произошло, должны были состояться выборы народных депутатов СССР, которые впоследствии и приняли историческое решение.

Ко времени перестройки партия во многом утратила авангардную роль в обществе, о чем свидетельствовали социологические исследования.³ Партийный работник в массовом сознании представлялся далеко не идеальной личностью.

Наиболее ярко общественное мнение выразилось в таких оценках работников аппарата, которые в первую очередь характеризуют нравственные качества. Такие из них, как «карьеризм», «обладание социально необоснованными привилегиями», «ориентированность» исключительно на «верх» отметило от 86,0 до 100% опрошенных. 57% из числа ответивших на вопрос о причинах, сдерживающих обращение людей к партийным работникам, отметили отсутствие надежды на реальную помощь.

Могла ли руководящая и направляющая сила общества - КПСС - реформироваться? Она уже реформировалась: в порядке подготовки к XXVI съезду, наряду с Платформой ЦК КПСС, были опубликованы Демократическая платформа КПСС и Марксистская платформа. К тому времени возникли движение «Коммунисты за реформы» в рамках КПСС, социал-демократические партии. В КПСС действительно были разные люди - по мироощущению, политическим взглядам. Можно судить об этом по аппарату Свердловского обкома партии, где секретарями были: резкий, волевой Б.Н. Ельцин, прагматичный Ю.В. Петров, фрондирующий, видимо, с московских времен работы в ЦК ВЛКСМ В.А. Житенев. К августу 1991 г. КПСС была во многом уже другая партия, к руководству приходили действительно специалисты народного хозяйства, интеллектуалы, доктора и кандидаты наук.

В ходе «перестройки» начался процесс омоложения партийных кадров. Так, если в начале 1989 г. средний возраст первых секретарей и секретарей обкомов, ЦК компартий союзных республик насчитывал 55 лет, то к концу года он снизился уже до 49. В первом эшелоне власти в начале года было всего 17 кандидатов наук, в конце года - среди вновь утвержденных партийных лидеров областей и республик уже 3 доктора наук.⁴ К примеру, заведующим идеологическим отделом Свердловского обкома партии стал доктор философских наук, профессор А.В. Грибакин.

Автор этой статьи на себе испытал «блеск» и «нищету» номенклатуры, когда последовательно утверждался работником райкома, горкома, обкома партии. С одной стороны, я был защищен пусть небольшой, но стабильной зарплатой, а кроме того

дополнительными льготами: жилье улучшенного качества, во многих случаях ведомственные пансионаты и даже вплоть до партийных санаториев в Крыму и на Кавказе. В разумных пределах такие дополнительные льготы и преимущества (и сегодня!) оправданы особой ответственностью выполняемого труда, его ненормированностью во времени, другими специфическими чертами.

Но, вместе с тем, наличие названных преимуществ создает объективную возможность злоупотреблений, перерождения, социальной коррозии.

С другой стороны, находясь в номенклатурной обойме, я испытывал сильнейший дискомфорт, даже стресс, поскольку оказался рабочей лошадкой, взнузданной и постоянно «охаживаемой» партийными вожжами. Дело дошло до больницы, до диагноза «инфекция нервной системы».

Я вспоминал при этом журналистскую вольницу, когда ощущал себя частью творческой интеллигенции. Верхом самолюбия было то обстоятельство, что, будучи сотрудником редакции газеты «Тагильский рабочий», я жил с семьей в трехкомнатной квартире, тогда как первый секретарь горкома КПСС Г.В. Колбин ютился по соседству с женой и двумя дочерьми в двухкомнатной квартире.

Но это длилось недолго. Очень скоро

первому секретарю нашли подходящую квартиру, соответствующую его сану. И началось перерождение партии, её руководителей, а затем и рядовых членов.

Нечто подобное, только уже в больших масштабах, мы наблюдаем сегодня на примере новой власти. Под традиционным лозунгом: «Всем все равно не хватит!» – взятым из советско-партийных времен. Началось по-гангстерски активное финансовое обогащение и бытовое обустройство новой номенклатуры, теперь уже «демократической».

И члены партии «Единая Россия» с их стремлением любой ценой попасть на скамью депутата Госдумы и Совета Федерации (бесплатная квартира в Москве, гигантская персональная пенсия и т.д.) ничем не отличаются от членов КПСС, с их шлейфом привилегий и льгот, которые ни под каким напором не будут отменены, потому что этого «не может быть никогда...».

1 Правда. 1989. 24 января.

2 Арбатов Г., Баталов Э. Политическая реформа и эволюция советского государства // Коммунист. 1989. №4. С. 40.

3 См.: Партийный работник в зеркале общественного мнения. Свердловск. 1989. С. 48, 55.

4 Известия ЦК КПСС. 1989. №1, 2

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА ПРИ ВТОРОМ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИИ ВЛАДИМИРЕ ПУТИНЕ. ЗАМЕТКИ К ИСТОРИИ ЛОББИЗМА В РОССИИ

А.Б. Белоусов

Белоусов Александр Борисович
кандидат политических наук,
младший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН

Дать окончательную оценку развитию отношений власти и бизнеса при втором президенте России Владимире Путине, безусловно, можно будет лишь после окончания сроков его полномочий в 2008 году. Однако есть целый ряд тенденций, которые настолько очевидны, что за два с половиной года, оставшихся до президентских выборов, вряд ли претерпят существенные изменения.

Отличия политики Путина от своего предшественника объясняются самыми разными причинами. Но, как много раз случалось в истории, приход государя на царствие во многом предопределяет и то, каким будет его правление. Одно дело – танки на улицах Москвы в августе 91-го и последовавший за неудачной попыткой государственного переворота развал СССР, и совсем другое – операция «наследник», проведенная во второй половине 1999 – начале 2000 г. Именно в этих событиях следует усматривать истоки политической стабильности эпохи Путина. Среди прочих критериев выбора преемника был и тот, который непосредственно повлиял на формирование